

МОСГОРСПРАВКА МОССОВЕТА
Отдел газетных вырезок

ул. Кирова, 26/б. Телефон
Вырезка из газеты Вечерняя М

от 8 ОКТ 37

Москва

Газета №

РЕВОЛЮЦИЯ

К. СТАНИСЛАВСКИЙ,
народный артист СССР.

ВЫ просите меня накануне 20-летия Октябрьской революции рассказать о том, как я встретил октябрьские дни 1917 года.

Я уже сделал это в моей книге и охотно предлагаю вам отрывок из нее, который быть может даст ответ на ваш вопрос.

★

...В 1917 году грянула Февральская революция, а за ней и Октябрьская. Театр получил новую миссию: он должен был открыть свои двери для самых широких слоев зрителей, для тех миллионов людей, которые до того времени не имели возможности пользоваться культурными удовольствиями. Подобно тому, как в пьесе Андреева «Анатема» толпы народа стекались с требованием хлеба у доброго Лейзера, а тот приходил в ужас, не чувствуя себя в силах, несмотря на свое богатство, накормить миллионы людей, так и мы ощутились в беспомощном состоянии при виде нахлынувшей на театр громады. Но сердце билось тревожно и радостно при сознании огромной по важности миссии, выпавшей на нашу долю.

...Первое время после революции публика в театре была смешанная. Учителя, студенты, курортники, извозчики, дворники, мелкие служащие разных учреждений, метельщики, шоферы, кондуктора, рабочие, горничные, военные. Раз или два в неделю мы играли свой обычный

репертуар в огромном здании Солодовниковского театра, перетаскивая туда свою обстановку и декорации. Естественно, что обстановка спектакля, рассчитанная на интимный театр, теряет в большом и неуютном помещении. Тем не менее наши спектакли проходили при переполненном зале, при напряженном внимании зрителя, при гробовом молчании присутствующих и шумных овациях по окончании спектакля...

...Это были интересные спектакли, научившие нас многому, заставившие нас почувствовать совершенно новую атмосферу зала. Мы понимали, что люди пришли в театр не для того, чтобы забавляться, а чтобы поучаться.

...Сила сценической власти над зрителем особенно рельефно сказалась в одном памятном для меня спектакле. Он был дан чуть ли не накануне Октябрьской революции. В этот вечер к Кремлю стягивались войска, куда-то шли безмолвные толпы. Напротив, в других местах улицы совершенно пустели, фонари были потушены, сняты полицейские посты. А в Солодовниковском театре, тем временем, собиралась тысячная толпа смотреть «Вишневый сад», в котором изображается жизнь как раз тех людей, против которых то-товилось восстание.

Зал, на этот раз переполненный почти исключительно простой публикой, гудел от возбуждения. Настроение по обе стороны рампы было тревожное. Мы, актеры, заgrimированные в ожидании начала спектакля, стояли у занавеса и прислушивались к гулу толпы в сгущенной атмосфере театрального зала.

«Не доиграть нам спектакля! — говорили мы. — Нас прогонят со сцены».

Когда двинулся занавес, наши сердца забились в ожидании возможного эксецесса. Но... это был один из самых удачных спектаклей по вниманию к нему зрителей... Спектакль закончился сильнейшей овацией, а из театра зрители выходили молча, — и, кто знает, быть может среди них были и те, которые готовились к бою за новую жизнь. Вскоре началась стрельба, укрываясь от которой мы с трудом пробирались по домам после спектакля.

Грянула Октябрьская революция. Спектакли были объявлены бесплатными, билеты в продолжении полу-

тора лет не продавались, а рассылались по учреждениям и фабрикам, и мы встретились лицом к лицу сразу с совершенно новыми для нас зрителями, из которых многие, быть может большинство, не знали не только нашего, но и вообще никакого театра. Вчера наполняла театр смешанная публика, среди которой была и интеллигенция, сегодня перед нами — совершенно новая аудитория, к которой мы не знали, как подступиться. И она не знала, как подойти к нам и как жить с нами вместе в театре.

Первое время было трудно, и дважды или трижды доходило до того, что я, по окончании акта, настроение которого сорвала присутствующая толпа еще невоспитавшихся зрителей, принужден был отдергивать занавес и обращаться к присутствующим с воззванием от имени артистов, поставленных в безвыходное положение. Однажды я не мог сдержаться себя и говорил более резко, чем следовало бы. Но толпа молчала и очень внимательно слушала. Повторю, это случилось лишь дважды или трижды. По сей день я не могу дать себе отчета, каким образом эти две или три

аудитории зрителей сообщили о случившемся всем остальным зрителям. В газетах об этом не писалось, декретов по этому поводу не издавалось. Почему же после этих случаев почти сразу произошло полное преобразование? Новые зрители за четверть часа сидели на местах; они перестали курить, не щелкали орехов, не носили закусок...

Этот зритель оказался чрезвычайно театральным: он приходил в театр не мимоходом, а с трепетом и ожиданием чего-то важного, невиданного. Он относился к актеру с каким-то трогательным чувством. К сожалению, к этому времени на поверхности искусства появилось большое количество артистических подонков, именовавшихся, как и мы, артистами. Толпы лиц, не имеющих никакого отношения к нашему делу, грубо эксплуатировали театр, присасываясь к выгодным халтурным выступлениям перед доверчивым зрителем, заинтересовавшимся искусством.

...Это немало повредило создавшейся теплой связи между артистом и широкой демократической публикой. Правда, и среди нас, артистов, нашлись такие, которые были далеко не на высоте в этот важный для театра исторический момент. — в момент встречи его с многомиллионным новым зрителем.

★

Перечитывая сегодня эти строки и вспоминая исторические дни Октября, видишь и радуешься, как выросла наша страна, наш многомиллионный народ, готовящийся к выборам в Верховный Совет СССР.

143

Народный артист СССР К. С. Станиславский.
Снимок заслуженного фотохудожника М. НАПЦЕЛЬБАУМА. Сделан летом 1937 года.